

Художником он стал просто потому, что после школы надо было куда-то поступать. Он знал, что работа должна приносить удовольствие, а ему нравилось рисовать — так и был сделан выбор: он поступил в художественное училище.

К этому времени он уже знал, что изображение предметов называется натюрморт, природы — пейзаж, людей — портрет, и еще много чего знал из области избранной профессии. Теперь ему предстояло узнать еще больше. «Для того, чтобы импровизировать, сначала надо научиться играть по нотам», — объявил на вводной лекции импозантный преподаватель, известный художник. — Так что приготовьтесь, будем начинать с азав».

КОГДА ЖИЗНЬ НАПОЛНЯЕТСЯ СМЫСЛОМ

Он начал учиться «играть по нотам». Куб, шар, ваза... Свет, тень, полутень... Постановка руки, перспектива, композиция... Он узнал очень много нового — как натянуть холст и самому сварить грунт, как искусственно состарить полотно и как добиваться тончайших цветовых переходов... Преподаватели его хвалили, а однажды он даже услышал от своего наставника: «Ты художник от Бога». «А разве другие — не от Бога?», — подумал он, хотя, чего скрывать, было приятно.

Но вот веселые студенческие годы остались позади, и теперь у него в кармане был диплом о художественном образовании, он много знал и еще больше умел, он набрался знаний и опыта, и пора было начинать отдавать. Но... Что-то у него пошло не так.

Нет, не то чтобы ему не творилось. И не то чтобы профессия разонравилась. Возможно, он просто повзрослел и увидел то, чего раньше не замечал. А открылось ему вот что: кругом кипела жизнь, в которой искусство давно стало товаром, и преуспевал вовсе не обязательно тот, кому было что сказать миру, скорее тот, кто умел грамотно подавать и продавать свое творчество, оказаться в нужное время в нужном месте, с нужными людьми. Он, к сожалению, так этому и не научился. Он знал: часто творцы опережали свою эпоху, и их картины получали признание и хорошую цену только после смерти, но это знание мало утешало.

Он устроился на работу, где хорошо платили, целыми днями разрабатывал дизайн всевозможных буклетов, визиток, проспектов, и даже получал от этого определенное удовлетворение, а вот рисовал все меньше и неохотнее. Вдохновение приходило все реже и реже. Работа, дом, телевизор, рутина... Его все чаще посещала мысль: «Разве в этом мое

призвание? Когда же я начну писать свою собственную картину жизни? А если даже и начну — смогу ли? А как же “художник от Бога”?».

Чтобы не сойти с ума от этих мыслей, он стал по выходным отправляться с мольбертом в переулок Мастеров, где располагались ряды всяких творцов-умельцев. И собравшись художники тоже стояли со своими нетленными полотнами, в больших количествах. И тут была конкуренция...

Но он плевал на конкуренцию, ему хотелось просто творить... Он рисовал портреты на заказ. Бумага, карандаш, десять минут — и портрет готов. Ничего сложного для профессионала — тут всего и требуется уметь подмечать детали, соблюдать пропорции да слегка польстить заказчику, так, самую малость приукрасить натуру. Он это делал умело, его портреты людям нравились.

Теперь жить стало как-то веселее, но он отчетливо понимал, что это «живописание» призванием назвать было бы как-то... чересчур сильно. Впрочем, все-таки лучше, чем ничего.

Однажды он сделал очередной портрет, позировала ему молодая длинноногая тетка, и пришлось сильно постараться, чтобы «сделать красиво». Нос, конечно, никуда не денешь, но было в ее лице что-то располагающее, чистота, что ли. Вот на это он и сделал акцент. Получилось неплохо.

— Готово, — сказал он, протягивая портрет тетке. Та долго его изучала, а потом подняла на него глаза, и он даже заморгал — до того пристально она на него смотрела.

— Что-то не так? — даже переспросил он, теряясь от ее взгляда.

— У вас призвание, — сказала женщина. — Вы умеете видеть вглубь... Вот я смотрю и понимаю: на самом деле я такая, как вы нарисовали. А

все, что снаружи — это наносное. Вы словно верхний слой краски сняли, а под ним — шедевр. И этот шедевр — я. Теперь я точно знаю! Спасибо.

— Да пожалуйста, — смущенно пробормотал он, принимая купюру — свою привычную таксу.

Тетка была, что и говорить, странная. Надо же, «душу рисуете!» Хотя кто его знает, что он там рисовал? Может, и душу...

Теперь его рисование наполнилось каким-то новым смыслом. Нет, ничего нового в технологично он не привнес — те же бумага и карандаш, те же десять минут, просто мысли его все время возвращались к тому, что надо примериться и «снять верхний слой краски», чтобы из-под него освободился неведомый «шедевр». Кажется, получалось. Ему очень нравилось наблюдать за первой реакцией «натуры» — очень интересные были лица у людей.

Иногда ему попадались такие «модели», у которых душа была значительно страшнее, чем «внешний слой», тогда он выискивал в ней какие-то светлые пятна и усиливал их. Всегда можно найти светлые пятна, если настроиться на это зрение. По крайней мере, ему еще ни разу не встретился человек, в котором не было бы совсем ничего хорошего.

— Слышь, братан! — однажды обратился к нему крепкий в черной куртке. — Ты это... помнишь, нет ли... тещу мою рисовал на прошлых выходных.

Тещу он помнил, на старую жабу похожа, ее дочку — по-старее, крысой будет, и крепкий с ними был, точно. Ему тогда пришлось напрячь все свое воображение, чтобы превратить жабу в нечто приемлемое, увидеть в ней хоть что-то хорошее.

— Ну? — осторожно спросил он, не понимая, куда клонит крепкий.

— Так это... Изменилась

она. В лучшую сторону. Как на портрет посмотрит — человеком становится. А так, между нами, сколько ее знаю, жаба жабой...

Художник невольно фыркнул: не ошибся, значит, точно увидел...

— Ну дык я тебя спросить хотел: можешь ее в масле нарисовать? Чтобы уже наверняка! Закрепить эффект, стало быть... За ценной не постою, не сомневайся!

— А чего ж не закрепить? Можно и в масле, и в маринаде, и в соусе «майонез». Только маслом не рисуют, а пишу.

— Во-во! Распиши ее в лучшем виде, все оплачу по высшему разряду!

Художнику стало весело. Прямо «портрет Дориана Грея», только со знаком плюс!

вымученные, словно выплаканные. Наверное, умер у нее кто-то, или еще какое горе...

— Рисую. Десять минут — и готово. Вы свой портрет хотите заказать?

— Нет. Дочкин.

Тут он увидел дочку — поперхнулся, закашлялся. Ребенок лет шести от роду был похож на инопланетянина: несмотря на погожий теплый денек, упакован в серый комбинезон, и не поймешь даже, мальчик или девочка, на голове — плотная шапочка-коллачок, на лице — прозрачная маска, и глаза... Глаза старичка, который испытал много-много боли и готовится умереть. Смерть в них была, в этих глазах, вот что он там явственно угадал.

Он не стал ничего больше спрашивать. Таких детей он видел по телевизору и знал, что у ребенка, скорее всего, рак, радиология, иммунитет на нуле — затем и маска, и что шансов на выживание — минимум.

— Садись, принцесса, сейчас я тебя буду рисовать, — сказал он девочке-инопланетянке. — Только смотри, не вертись и не вскакивай, а то не получится.

Он напрягся, пытаясь разглядеть ее душу, но что-то мешало — не то бесформенный комбинезон, не то слезы на глазах, не то знание, что старые методы тут не подойдут, нужно какое-то принципиально новое, нетривиальное решение. И оно нашлось! Вдруг подумалось: «А какой она могла бы быть, если бы не болезнь? Не комбинезон дурацкий, а платье, не коллак на лысой головенке, а бантики?» Воображение заработало, рука сама по себе стала что-то набрасывать на листе бумаги, процесс пошел.

На этот раз он трудился не так, как обычно. Мозги в процессе точно не участвовали, они отключились, а включилось что-то другое. Наверное, душа. Он рисовал душой, так, как будто этот портрет мог стать последним не для девочки, а для него лично.

— Готово, — сорвал он лист бумаги с мольберта. — Смотри, какая ты красивая!

Девочка в летнем сарафанчике бежала с мячом по летнему лугу. Под ногами — трава и цветы, над головой — солнце и бабочки, улыбка от уха до уха, и энергии — хоть отбавляй. И хотя портрет был нарисован простым карандашом, почему-то казалось, что он выполнен в цвете, что трава — зеленая, небо — голубое, мяч — оранжевый, а сарафанчик — красный в белый горох.

— Я разве такая? — глухо донеслось из-под маски.

— Такая-такая, — уверил ее художник. — То есть сейчас,